

Тальников Д. <**Шпитальников Д.Л.**> Неосуществившийся роман
Чехова и Комиссаржевской. Неопубликованная переписка
великого писателя и замечательной артистки // Сегодня. Рига,
1940. 10 марта. № 69. С. 6-7.

Неосуществившийся роман Чехова и Комиссаржевской.

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПЕРЕПИСКА ВЕЛИКАГО ПИСАТЕЛЯ И ЗАМЪЧАТЕЛЬНОГО АРТИСТКИ.*

1.

Актриса и писатель были не только современниками, принадлежавшими къ одному поколѣнью. Они не только делили одну эпоху, но и жили въ одномъ мірѣ творческихъ идей. — въ большой мірѣ болѣе «родственныхъ душамъ». Единство взглядовъ и несконный общность этихъ духу художниковъ.

Замѣчательная актриса въ искусствѣ своемъ являла собой тѣ идеи, которыя въ литературѣ несъ А. П. Чеховъ. Это была прежде всего инстинктивная борьба съ вѣчными разладами. Вскочивъ, какъ Горькій въ этотъ неясный смыслъ, несла Чехову о томъ, что послѣдній «унываетъ реализмъ (бацизмъ)». Отсюда на извѣстномъ этапѣ въ увлеченіи охоты символизмомъ (театръ на Офицерской у Комиссаржевской, тѣ же идеи Чехова одно время къ Метерлину). Это было и исцѣленіе «новыхъ формъ» въ искусствѣ, о которыхъ такъ автобиографически для Чехова говоритъ герой его пьесы Трехлѣсъ. Эти «новыя формы» нужны были для выраженія новаго содержания.

«Чайкъ» стонутъ перелѣбовать... — писалъ въ эти годы Горькій. Комиссаржевская въ то время стоить тогда въ выражена въ своемъ творчествѣ, но и борьбу съ враждебными стихіями, простотъ возмозванности и материализма года. Основной мотивъ чеховскаго творчества, какъ вскорѣ это выяснилось, воспринимались полнѣйшимъ не только какъ безсмертная «чеховщина», но и какъ призывъ къ грядущимъ «бурямъ», о которыхъ говорилъ Тургеневъ.

Родственность общихъ казалась въ личнымъ, какъ неслучайно принадлежавшихъ чертамъ и въ ихъ творческой судьбѣ.

Эта судьба брошена ихъ, однажды на нѣструды дѣлать другъ въ такой критическій моментъ, какъ первая постановка на сценѣ въ «Чайку»: вѣдь рѣчь шла не только не меньше, какъ о становленіи «новой драмы» и «новой артистки» въ русскомъ театрѣ.

Они какъ будто почувствовали на мигъ другъ друга — и не сказавъ ничего, не сказавъ главнаго слова, разошлись въ разные стороны.

Черезъ много лѣтъ артистка вспоминала

объ этой первой встрѣчѣ, въ сущности своей и формѣ представлявшей подлинную повелѣ чеховскаго типа: «Тогда я играла Чайку. Стояла я въ тѣсной кулисѣ — это была я, а сейчасъ вѣдь туда и буду — Чайка... А онъ подошелъ и сказалъ: «У меня Нины были такія же лаза, какъ у васъ». И ушелъ...»

Это былъ первый сезонъ Комиссаржевской въ Александринскѣ. Передъ «Чайкой» артистка сыграла здѣсь свою прекрасную роль Каюхъ въ «Слѣбѣ Солома», и Чеховъ, вѣроятно, выдавъ этотъ сыгравшій.

Мало кому извѣстно, что «Чайка» уже со второго спектакля въ Александринскомъ театрѣ была реабилитирована и имѣла большой успѣхъ. Первое письмо Комиссаржевской къ Чехову — 21 октября 1896 г.

«Сейчасъ вернулася изъ театра, наша зала. Успѣхъ полный, единственный... Вама, — иль, вама «Чайка» — потому что я спросила съ ней душой, навѣкъ — жва, страдает и вѣруетъ такъ горячо, что хвоникъ удивляетъ заставитъ».

«Нама «Чайка» — актриса съ полнымъ основаніемъ могла это сказать. Это было торжество ихъ общности — «новой» артистки и теоріи «новой» драмы. Ихъ крѣпко соединило общее дѣло.

2.

Немногія письма Комиссаржевской къ Чехову, неопубликованные, хранятся сейчасъ въ рукописномъ отдѣлѣ Ленинской бібліотеки, въ «Архивѣ Чехова». Выдержки изъ этого архива отчасти прослѣдуютъ въ печать. Сейчасъ выпущенъ въ изданіи Ленинской бібліотеки и аннотированный списокъ этихъ писемъ.

Ознакомленіе съ этими письмами проливаетъ своеобразный свѣтъ на этотъ интересный эпизодъ въ біографіи замѣчательной актрисы и замѣчательнаго писателя.

Первое неопубликованное письмо В. Ф. относится къ концу февраля 1897 г. Итакъ, прошло болѣе 4 мѣсяцевъ со дня первой встрѣчи. В. Ф. сообщаетъ, что «много бѣды эту зиму сама и въ семьѣ масса грустныхъ событій». Очевидно, она послѣдуетъ въ письмѣ и одну изъ своихъ картинокъ, можетъ быть, съ надписью о «недо-

разумѣяньхъ», связанныхъ съ репетиціями «Чайки». Чеховъ (въ письмѣ изъ Лопасы отъ 2/III 1897 г.) благодаритъ за присылку фотографіи. Его письмо носитъ официальный характеръ: «Многоуважаемая В. Ф.» — и касается сдержанно показаній, не хвораю и на забываю предлаженій Чехова. Онъ обѣщаетъ также «сочувствовать непосредно» въ приглашеніи и прихвѣтъ къ ней въ первый же день по приѣздѣ въ Петербургъ: «если не астану, то приду въ другой разъ». Въ Петербургѣ Чехову, однако, на этотъ разъ не удалось побывать.

Отправившись въ май этого же года въ Астрахань на 9 спектаклей Комиссаржевская съ парохода «Самолетъ» посылаетъ Чехову вѣсточку съ извѣщеніемъ, что въ бѣсѣнѣ свой на гастрольхъ «ставитъ Чайку». «Мы съ вами такъ мало знакомы, а мнѣ это не кажется» — прибавляетъ В. Ф.

И Чеховъ почувствовалъ это: «Большое вамъ спасибо, В. Ф., что вспомнилъ», пишетъ онъ изъ Лопасы 20/V 1897 г. Онъ жалеетъ ей успѣха «громаднаго, постояннаго, такого же, крикливо и прочнаго, какъ его вѣра въ ея составный симпатичный талантъ». «Только не болѣйте, пожалуйста». Счастливая, будьте вы она и въ этотъ дѣлѣтъ на югъ. «Я буду тамъ въ августѣ».

Но и это свиданіе не состоялось.

Во второй свой зимній сезонъ въ Александринскѣ Комиссаржевская сыграла Сашику въ «Ивановѣ» (послѣ «Чайки» театръ возвращается, какъ мы видимъ, къ Чехову), и вскорѣ серьезная и значительная болѣзнь приковала ее къ постели на полгода (съ октября 1897 г. по мартъ 1898 г.).

Перенесла возобновляется лишь зимой. Комиссаржевская постоянно ухаживаетъ Чехова зайти въ Ростовъ къ врачу Успенскому, котораго очень хвалитъ. Но безпокойство его болѣе. «Вы писали: сдѣлайте сдѣлайте, сдѣлайте, отбавляете ей глупую картинку, вѣста въсѣхъ — позже въ ея кабинетѣ, съ надписью: «3 августа, бурный день, когда шумѣло море, отъ глупаго Антона Чехова». И можетъ быть, въ этотъ же день Комиссаржевская въ отъѣздѣ

знаете, какъ я отношусь къ вамъ и стало бытъ пойметъ, какъ былъ я радъ получить въ письмѣ...» И, какъ всегда, интересуется состояніемъ ея здоровья: «я постоянно спрашиваю объ этомъ у своихъ петербургскихъ знакомыхъ».

Въ январѣ 1899 г. Комиссаржевская сообщаетъ Чехову о своемъ «спрамо угнетѣнномъ состояніи души»:

«И оттого я не пишу...» «Я играю безъ конца, играю вещь, очень мало говорящую уму и почти ничего душѣ... И если и былъ тамъ какой-нибудь роликъ, то онъ скоро заскучитъ. Успѣхъ при этомъ имѣю огромный и силѣсъ появлять въ чѣмъ же дѣло...»

Чеховъ горячо отличается на творческихъ безпокойствъ Комиссаржевской:

«Вы превосходная артистка, только жаль, что нѣтъ у васъ походящаго антуража, нѣтъ театра, нѣтъ товарищѣ. Вамъ бы хотѣ въ Москву, въ Малый театръ. Тутъ все-таки болѣе на искусство похоже и между артистами не мало хорошихъ людей! Въ Москвѣ вы имѣли бы громаднй успѣхъ, «образовать даже трудно»...

Письмо очень дружеское — «желая счастья и всего, что только есть хорошаго на этомъ свѣтѣ».

3.

9/IV — 1900 г. В. Ф. сообщаетъ Чехову о саухахъ, будто онъ не дастъ «Дяди Ваня» въ Александринскій театрѣ.

«Я боюсь этого вѣрить, — такъ мнѣ хочется сыграть Сою, а вы тогда мнѣ сейчасъ же написать, правда ли это, и если да, то отчего. Сдѣлайте это, я очень прошу. Да?»

Чеховъ уже связавъ съ Художественнымъ театромъ, пьеса тогда отпала.

Въ лѣтѣ 1900 г. (до 5 августа) Книпперъ гоститъ въ дѣлѣ Чеховыхъ въ Ялѣ и Тургенѣ, и здѣсь наступаютъ рѣшительныя измѣненія въ ихъ отношеніяхъ.

1 августа 1900 г. Комиссаржевская присылаетъ Чехову письмо: «Я приѣхала на нѣсколько дней въ Ялту, живу въ Масандра и мнѣ было бы очень грустно не увидѣть васъ хоть на минутку...» 3 августа В. Ф. приѣхала въ Тургенѣ и здѣсь встрѣтася съ Чеховымъ.

Послѣ «Чайки», такъ связанной въ прошломъ, послѣ рѣшительной переписки, оба впервые встрѣтились — и при такихъ сложнѣхъ и помѣхъ состояніяхъ. Въ этотъ встрѣтъ Чеховъ поздравилъ В. Ф. свою картинку, вѣста въсѣхъ — позже въ ея кабинетѣ, съ надписью: «3 августа, бурный день, когда шумѣло море, отъ глупаго Антона Чехова». И можетъ быть, въ этотъ же день Комиссаржевская въ отъѣздѣ

зала свою (третью) картинку на память «Гибели Солома» и о себѣ.

Къ 7 августа относятся телеграмма Комиссаржевской: «Я была два дня безъ завтра паролкомъ! Ялѣ оторвана напѣю не тогдагдѣ — ялѣ ли васъ свѣтѣло Градѣ-Отецъ».

Для В. Ф. такъ много оживившей отъ этого встрѣчи, вѣдимо, имѣвшей къ этому мѣстѣсны основанія, «неотдачность» Чехова осталась въ это время неизменною. Глубокій свѣтъ на то, что происходило на памятныхъ свиданіяхъ 3 августа, проливаетъ очень интересное, находящееся въ архивѣ, письмо. Комиссаржевской, датированное тѣмъ же числомъ, написанное по приѣздѣ домой. Оно расцвѣтъ, всю эту сцену токлими психологическими чертами, замѣчательнымъ для воспріятія Комиссаржевской жизненныхъ явленій.

«Все-таки я рада, что побыва въ Тургенѣ, и хочу вѣтъ въ письмѣ сказать вамъ еще разъ до свиданія. «Все-таки», я говорю потому, что мнѣ жаль, и непонятно, почему мы съ вами такъ мало говорили. Я не такъ ужъ жалась васъ, встрѣтивъ. Мнѣ казалось, что когда васъ увижу, то зачинаю вопросы и сама скажу что-то-нибудь. Это не вышло. Вы были все время какой-то «сненепутны». А мнѣ хотѣло быть, причина лежала по мнѣ. Знаете, это ужасно странно, но мнѣ все время было что-то неужелюбо было все время въ васъ, чѣмъ я не вѣрю, и казалось, вотъ-вотъ какъ-то движенье надо сдѣлать, и это неужелюбо уйдетъ. А въ результатѣ отъчужденіи у меня къ вамъ хорошаго чувства, и вы на него дайте мнѣ одно — будьте со мной всегда при всевозможныхъ условіяхъ искренно и хочу, а не нежности. Это не такъ легко, какъ кажется, оттого я и прошу у васъ этого. До свиданія, не забывайте меня».

Чеховъ отвѣтилъ на это письмо изъ Ялты (25/VIII 1900 г.) по петербургскому адресу, однако писалъ не объ-нѣхъ-своемъ «сненепутности» и «тихости». «Чрезвычайная деликатность» Чехова, нежеланіе правдой горчить, очевидно, мѣшали ему это сдѣлать.

«Вы сердитесь — по что дѣлать? Времени вамъ некуда и нездоровѣе, очевидно, еще продолжаться», — такъ начинался отвѣтъ. Тутъ же еще сообщалъ, что на фотографіи она вышла «грустной, притворной» А заканчивалось письмо тоюо серженіемъ и со значительнымъ — «почего-о» — подтекстомъ: «Въ Ялѣ холодно, море серое!о! Будьте здоровы и счастли-

* Изъ хосовской пачки «Хосовское Искство».

вы, да хранить васъ Богъ. Не сердитесь на меня».

Это было прощаніе.

Отвѣтъ Комиссаржевской — тоже прощаніе:

«Я на васъ не сержусь — это не то слово. Когда я думаю о вашей жизни, какъ она течетъ сейчасъ, у меня сердце сжимается. Хотѣлось бы послать вамъ хоть грубый эскизъ той картины, что можетъ заинтересовать васъ, но, увы, во-первыхъ, дѣтъ таланта, а во-вторыхъ, кругъ моихъ «занятій», впечатлѣній, встрѣчъ и т. д. такъ замѣтно суживается, что страшно, не задумишь бы онъ меня самое. Это не такъ трудно, какъ кажется».

26 июня 1902 г. Комиссаржевская подала заявленіе директору императорскихъ театровъ объ уходѣ своемъ изъ Александринки.

10/VI 1902 г. Чеховъ пишетъ изъ Москвы сестрѣ Маріи Павловнѣ о томъ, что дѣлѣ Комиссаржевская. «Вчера она была у насъ. Играетъ она въ Акваріумѣ. Съ ней ведутъ переговоры о переходѣ ея въ Художественный театръ, но она едва ли согласится». Въ запискѣ Чехову В. Ф. пишетъ въ эти дни: «Я не приѣду сегодня, А. П., потому что играю вечеромъ «Огни» брющеткой и должна заняться крашеніемъ волосъ. Можетъ быть, завтра можно».

Уйдя изъ Александринки осенью 1902 г., Комиссаржевская отправилась въ большую двухгодичную гастрольную поѣздку по Россіи. Въ этой поѣздкѣ она сыграла съ исключительной силой роль Соня въ «Дядѣ Ванѣ», которую ей такъ «хотѣлось» сыграть еще въ 1900 г.

Въ январѣ 1903 г., полная мечтаній о созданіи своего собственнаго театра, Комиссаржевская пишетъ Чехову значительное письмо:

«А. П. здравствуйте. Вы, конечно, забыли, что я есть на свѣтѣ, а я существую, да еще какъ! Видѣла недавно вашу жену и порадовалась, что она такъ поправилась. Начинаю съ этого, чтобы быть вами встрѣченной совсѣмъ привѣтливо».

Далѣе съ личнымъ было совсѣмъ покончено. В. Ф., полная необыкновенной творческой взволнованности, стоя у входа въ новое, неизвѣстное будущее, писала Чехову:

«Вы вѣроятно, слышали о моей мучоѣ. Я — открытъ въ Петербургѣ театрѣ. Это почти уже кончено. Я дѣлаю эту глупость, какъ называють это мои друзья. А я не могу, не хочу думать, какъ это называется. Въ моей душѣ сейчасъ такой приливъ энергіи. Иду я съ вѣрой, съ той вѣ-

рой, которая, если разобьется, убьетъ во мнѣ все, съ чѣмъ только и имѣетъ для меня смыслъ жизнь. Значить, о чемъ говорить? Все это предисловіе не интересно для васъ. Вышло само, значитъ, пусть останется».

Далѣе идетъ просьба:

«Вы мнѣ должны помочь, именно вы и именно должны. Общайте дайте вашу новую пьесу въ мой театръ въ Петербургѣ. Вѣдь вы же понимаете, какъ это мнѣ нужно, и что вы для меня этимъ сдѣлаете. Въ мое художественное чутко, вы, я знаю, вѣрите».

Рѣчь идетъ о будущемъ «Вишневоѣмъ садѣ».

Проходитъ почти годъ. 29/XII 1903 г. Комиссаржевская опять пишетъ о томъ, же Чехову, волнуясь и умолая:

«Я открываю театръ въ Петербургѣ. Я хочу, чтобы открытіе это было связано съ вашимъ именемъ. Прошу васъ, дайте вамъ «Вишневы садъ». Я имъ открою. Я знаю, что вамъ хочется отдать его въ Александринскій театръ, чтобы играла Савина. Роль очень ей подойдетъ и сыграетъ она ее хорошо. Но вы, именно вы, не сможете же не помочь мнѣ въ этомъ безумно трудномъ дѣлѣ. Мнѣ ли нало вамъ говорить, сколько у меня враговъ. Но есть такіе люди, которые, я вѣрю, помогутъ мнѣ осуществить то, чтобы сбылось лучшее во мнѣ. Я хочу, я должна, чтобы вы были первый, но я не буду больше ничего говорить. Вы должны почувствовать, какъ я волнуюсь и какъ мнѣ нужно ваше слово и согласіе. Напишите мнѣ что-нибудь»....

Комиссаржевская вкладывала въ новый театръ всю вѣру, всѣ силы, всѣ заработанные тяжѣльшимъ трудомъ актрисы деньги, всю себя.

Черезъ 6 мѣсяцевъ Чеховъ умеръ. 17 октября 1904 г. открылся новый театръ Комиссаржевской въ «Пассажѣ» — началась ея новая жизнь въ творчествѣ. Комиссаржевская умерла черезъ 6 лѣтъ послѣ смерти писателя — шесть бурныхъ лѣтъ, наполненныхъ огромной творческой энергіей. Ея «хватило» — вопреки предсказанію Чехова — больше чѣмъ «на одинъ мѣсяць», и «интересъ къ ея театру» не пропалъ ни у ея современниковъ, ни у историковъ. На сценѣ этого театра Комиссаржевская раскрылась въ новыхъ, Чехову еще неизвѣстныхъ, сторонахъ своего замѣчательнаго таланта.

Отзвучали взволнованныя страсти чело-вѣческія. Для писателя и актрисы наступила исторія.

Д. ТАЛЬНИКОВЪ.